



Утро телеведущего

Телеведущий Александр Труль проснулся раньше других.

Он спустил ноги с постели, сел, оглядел дощатую стену, отыскал в ней шербинку между досками и стал размышлять.

Два или три года подряд областной губернатор лично и через своих помощников приглашал его порыбачить на Ладоге. И вот, когда в его чрезвычайно плотном графике образовался удобный просвет и Саша наконец смог принять приглашение, губернатора на рыболовной базе не оказалось — его якобы сняли с должности. Не встретил Ведущего и хозяин базы — он накануне куда-то уехал с другим персоналом. Хотя неделю назад звонил Александру, восхищался оказанной ему «неслыханной честью» и обещал «лучшую в мире рыбалку».

Труля принял то ли карел, то ли вепс — коротконогое, смуглолицее существо со сплюснутым носом и безгубым ртом, в красной шапочке на макушке. Он объявил себя «драйвером» и просил называть Петровичем. Он как бы единственный, кто остался на базе, а потому и егерь, и повар, и швец, и жнец, и на дуде игрец. Услужливый — иногда почти лакейски. Поразительно догадливый. Но при всей своей услужливости и догадливости было в нем нечто нарочитое — актеры называют это наигрышем. Причем наигрывал он то ли колдуна, то ли тролля, на которого был похож с его ярко-зелеными и иногда желтеющими глазами.

«Лучшая в мире рыбалка» на деле оказалась вполне заурядной. Поймали четырех с трудом зачетных лососей. Воблеры допотопные. Эхолотом Петрович не пользовался.

К тому же напарниками Александра оказались два мало пригодных для рыбалки субъекта.

Первого звали Андрей Владимирович Сенявин. Университетский профессор истории. Высокий, широкоплечий, представительный, с богатой шевелюрой, густыми усами и в ухоженной бороде с аристократической проседью. Внешне похож то ли на какого-то писателя-классика, то ли на самодовольного попа. Но с постоянно недовольным лицом; он даже когда хотел улыбнуться, как бы выдавливал из себя улыбку. И при всей своей вальяжности — прямо-таки олицетворение Адлерова комплекса: внешнее превосходство и внутренняя неполноценность. То есть соткан из противоречий. Во всем. Вплоть до мелочей. Ругает всех и вся. Особенно ругал телевидение. Но при этом бросалось в глаза, что он перед Сашей старался, чтобы его внимание на себя обратить. И к тому же похож на сильно пьющего человека. Тот еще фрукт.

Второй напарник — вообще полное недоразумение. На рыбалке как будто впервые — подсачеком лосося от мотора отгоял! К тому же совершенно больной — кашляет и мучается радикулитом. Он ходит-то с трудом, а когда в лодку садится или из нее выбирается — совсем душераздирающее зрелище! С какого перепугу он на рыбалке нарисовался?!. Лет ему не меньше шестидесяти. Похож на католического монаха с тонзурой. И еще больше похож на сутулого шимпанзе. Вернее, на помесь шимпанзе и мастифа с обвисшими брелями. Испанского. Нет, скорее, английского. Если такое можно себе представить! Когда с тобой разговаривает, смотрит куда-то мимо тебя. Может начать возражать минут через пять, через десять после того, как ты высказал свою мысль и когда разговор давно поменял тему. Часто говорит косноязычно, как бы выдавливая из себя слова. А иногда, наоборот, малоразборчиво тараторит. Несколько странных заявлений вчера сделал. Зовут его Дмитрий Аркадьевич Сокольников. Но он просил называть его Митей.

Припомнив и как бы проговорив всё это внутри себя, Александр отыскал глазами гладкую вагонку, нашел на ней самое чистое место и сосредоточил на ней взгляд. Губы Телеведущего тронула безмятежная улыбка, глаза наполнились радостным светом, ноздри чуть подрагивали при вдохе и при выдохе, будто

лаская проходящий воздух. И скоро мысли у Александра потекли в следующем направлении:

А ведь хорошо, что не приехал губернатор со своей свитой. В свете той задачи, которую перед Александром поставили «за зубцами», ему сам бог велел сначала хорошенько расслабиться, а затем спокойно сосредоточиться, нащупать возможные варианты и выбрать из них наиболее перспективный.

Драйвер Петрович, хоть и скоморох, и косит под тролля, Сашу ничуть не раздражает. Забавный человечек. И в чем-то действительно загадочный. Догадаться, что он, Александр, любит «Чивас ригал», разбавленный молоком, — ну, этому еще можно, наверное, найти какое-то реалистическое объяснение. Но как объяснить те фокусы, которые Петрович вчера выкидывал с поклевками? Он заранее предсказал, на какой из многочисленных спиннингов клюнет. И несколько раз это сделал. Оно, конечно, хороший егерь всегда должен предчувствовать. Но не настолько же!.. Можно попробовать расспросить этого копперфильда, как он это делает. Вдруг поделится...

Теперь о Профессоре. При всех его комплексах он интересен как тип, как образец нынешних университетских оппозиционных интеллектуалов, которые прежде всего к самим себе в оппозиции. Его — или таких, как он, — уже в качестве примера можно будет использовать... И тем более любопытна его теория «девятимерного человека», «девятикомнатного» культурного здания, с подробным экскурсом в русскую историю — да, циничным, но, черт побери, оригинальным! Из тех «лекций», которые он вчера весь день читал, можно с десятков передач сделать... Неплохо бы выяснить: его и вправду выгнали из университета за его лекции...

С Профессором ясно. И совсем не ясно с этим Митей, или Сокольцевым. Жалким и смешным этот кашляющий и страдающий радикулитом человечек казался Саше во время рыбалки. А после того, как они поднялись на скалу к рисунку беса (или кто там нарисован на камне?), Митя перестал казаться жалким. Оказалось, что он знает много языков, и чувствовалось, что он ими и вправду владеет. Он несколько раз со знанием дела поправил Профессора, когда тот принялся рассуждать о викингах, о Рюрике и так далее, и так далее. Профессор на Митю окрысился и стал задавать ему разные провокационные вопросы: например, о том, какие книги он перевел, раз позиционирует

себя переводчиком. А Митя его остроумно отшил, заявив, что переводит «рукописи, которые не написаны». Профессор стусеивался.

За ужином Митя еще сильнее разозлил Профессора и еще больше удивил Александра. Он, до этого казавшийся косноязычным, красочно и в лицах пересказал одну историю. Про то, как в очереди к поясу Богородицы среди других обычных людей оказался чуть ли не Иоанн Богослов, которой подверг критике всё нынешнее русское православие.

Но самое удивительное, что чем дальше, тем больше этот странный Митя стал к себе как бы притягивать его, Александра. Так иногда тянет к человеку, которого когда-то хорошо знал, а потом долго не видел и не сразу узнал, когда снова встретил, но почти тут же стало тянуть...

Улыбка на лице Ведущего в этот момент достигла нужной степени солнечности. Медитацию можно было прекратить.

Совершив необходимый утренний туалет, Труль переоделся в спортивный костюм и вышел из длинного дома.

Сашу ослепило солнце, выползавшее из мохнатой тучи над горизонтом.

— Выплевывает, как я говорил, — откуда-то сбоку раздался голос.

Труль посмотрел в ту сторону и с трудом различил фигуру Драйвера.

— Помнишь, вчера вечером ящер заглотнул солнце. А теперь, это самое, выпускает, — сообщил Петрович.

Туча и вправду напоминала какое-то длинное и плоское животное, как бы с хвостом и с раскрытой пастью, из которой только что выползло слепящее солнце.

Саша зажмурился, переждал некоторое время, а потом глянул в сторону Петровича. И увидел, что тот сидит на корточках, у его ног стоит миска, из которой он вынимает кусочки мяса и кормит ими... волка!

Труль еще раз зажмурился. А когда снова открыл глаза, увидел, что животное еще больше стало похоже на волка.

— Волк тоже человек. Тоже жрать хочет, — пояснил Петрович и добавил: — Я тебе овсянку без молока сделаю. Как ты любишь.

«Он и это знает», — удивленно подумал Ведущий. И возразил:

— На этот раз обознался, Толян. Я как раз с молоком люблю.

— Не любишь. Не сочиняй. Не надо лохматить карела — изрек Петрович, не глядя в сторону Саши. На него глянул волк и, как померещилось Трулю, усмехнулся.

Ворота стали медленно открываться. Саша прошел в них.

«У него, наверное, в руке или в кармане пульт. И он им незаметно управляет», — объяснил себе Александр.

За воротами солнце слепило еще сильнее. Под солнцем разноцветными блестками искрился туман, тонким ворсистым как бы одеялом накрывший озеро. А справа, в той стороне, где лежал поселок, с неба до земли воздвиглась туманная стена — плотная, серая и чуть желтоватая. Казалось, сквозь нее не только что-нибудь разглядеть — пройти не удастся.

И только Ведущему так подумалось, из этой стены выбежал мальчишка лет десяти, за ним — гладкошерстая черная такса. Мальчишка был в белых трусах, а сам весь черный: ноги, тело, руки, даже лицо.

«Где ж ты так вымазался?!» — удивился Саша, глядя на мальчишку. Тот, похоже, испугался и нырнул обратно в туман. А такса сперва коротко и злобно облаяла Трулю, затем устремилась следом за мальчишкой. Саша успел заметить, что к ее задним лапкам привязана доска с двумя колесиками по бокам, и эдак, перебирая передними лапками, собачонка передвигается.

Как только мальчонка и такса растворились в тумане, оттуда, из-за занавеса, прозвучали удары колокола. А со стороны базы, из-за успевших закрыться ворот, раздался странный свист — будто кто-то громко свистел, выбирая промежутки между ударами колокола.

Труль побежал в сторону холма и скалы с бесом — там не было тумана.

Еще накануне Александр приглядел себе место для утренней тренировки — широкую площадку с поваленной сосной.

Не добежав до нее, Труль остановился. С одним из росших вдоль дороги высоких кустов творилось нечто странное: его вер-

хушка искрилась каким-то мигающим, почти электрическим светом. Приглядевшись, Саша понял, в чем дело: множество маленьких птичек, похожих на воробьев, порхали возле веток, взлетая и опускаясь, трепеща и сверкая на солнце крылышками. Огненным роем птицы взметнулись в вышину, когда Трулль совсем к ним приблизился.

На поляне Александр приступил к упражнениям. Он старался их делать каждое утро, когда это было возможно. Начал он с прыжков в длину, сначала коротких, потом все длиннее и длиннее. Сперва — только вперед. Потом — назад. Затем стал прыгать вправо и влево, будто уклоняясь от удара.

Покончив с прыжками в длину, стал прыгать в высоту, перемещаясь по кругу поляны. Опять-таки сначала подпрыгивая невысоко, а затем всё выше и выше взлетая. С какого-то момента он начал в прыжке поджимать под себя ноги. Потом, поджав ноги к животу, обхватывал их и на мгновение как бы зависал в воздухе. И наконец, высоко взлетев над землей, быстро подобрал ноги и перебросил их себе за голову, совершив акробатический кульбит и ловко приземлившись. Таких сальто он проделал шесть штук — три раза поочередно вперед и назад. И сел отдохнуть на пенек.

К солнцу и озеру Саша повернулся спиной и перед собой, над деревьями, увидел яркую радугу. Она вырастала из болота, бывшего за деревьями, и в нижней части ее цвета словно наплывали друг на друга — будто краски намокли и слегка растеклись. А наверху — искрились четким и сухим своим семицветьем.

Тут померещилось Труллю, что в средней части этой диковинной радуги снизу вверх движется нечто похожее на коня и на всадника.

«Похоже, я переборщил с прыжками», — сказал себе Александр и закрыл глаза. А когда снова открыл их, никто уже не скакал по небесному мосту.

Еще немного передохнув, Саша стал бегать взад и вперед по поваленной сосне, ступнями избегая сучков и телом уворачиваясь от редких засохших веток, с каждым разом убыстряя движения.

Затем соскочил с сосны, подбежал к скалистому выступу и стал карабкаться вверх, умело и ловко, как это делают скалолазы.

Однако на полпути Александр остановился. Послышалось ему, что на вершине скалы кто-то вдруг засмеялся, а потом два или три голоса разом заговорили. Слов Труль не мог разобрать. И показалось ему, что не по-русски они разговаривали.

«Мне еще зрителей не хватало!» — подумал Труль и прыгнул вниз со скалы, перевернувшись и развернувшись в воздухе, как кошки умеют.

И побежал в сторону базы.

Ворота раскрылись, когда Труль к ним приблизился, и закрылись, как только он ступил на территорию базы.

Войдя в прихожую-мастерскую длинного дома, Александр услышал, как в зале дискантом кричит Профессор. Фраз целиком не было слышно — до Саши долетали лишь отдельные слова: «безобразия!», «издевательство!», «не позволю!».

Труль принялся изучать токарный станок — дабы не растерять выработанный «солнечный настрой» и подготовить себя к «конфликтной обстановке».

Но «обстановка» сама выбежала в мастерскую и угрожающе надвинулась на Александра.

— Всё! Лопнуло мое терпение! Больше не намерен сносить издевательства! Не позволю! Шут гороховый! Специально устроил, а теперь несет околесицу! — уже не дискантом, а треснутым баритоном выкрикивал Профессор, глядя на Труля. Шевелюра взлохмачена, глаза красные, усы торчком, борода помятая. К тому же от Сенявина заметно тянуло перегаром.

Прорычал и выбежал во двор.

Труль укоризненно покачал головой и вошел в зал.

Там за длинным столом, задумчиво теребя пальцами столешницу, сидел Митя. Рядом с ним стоял и моргал зелеными глазами драйвер Петрович.

— Что тут у вас стряслось? — лучисто улыбаясь, спросил Александр.

Митя в ответ закашлялся.

Петрович выждал, когда тот кончит кашлять, и пояснил:

— Ну, выпил вчера человек. С трудной ноги встал. Опять-таки не выпался.

Митя снова ненадолго зашелся кашлем. А когда приступ окончился, Петрович продолжал:

— Накинулся на меня. И несколько раз даже матом выразился. Но тут Аркадич вышел, и он, то есть Профессор, это самое, нет, не уgomонился, но матюгами перестал оклеивать.

Петрович говорил вроде бы виновато, но глаза его радостно поблескивали.

— Так что же все-таки произошло? — повторил вопрос Труль.

— Как я предупреждал, так и произошло, — уже не виновато, а чуть ли не торжественно объявил Петрович.

— О чем ты предупреждал, я, думаешь, помню?

— О том, что, судя по знакам, Мирошка ночью заявится, любовницу приведет и над головой у Профессора, ну, так сказать... Мирошка! Так домового зовут. У них, между прочим, тоже любовь случается. И они, не вопрос, сильно скрипят половицами... А тут еще в самый разгар Мирошкина супружница нарисовалась. Ну и, сам понимаешь, как весело стало внизу Профессору!.. Я ведь вчера по-взрослому предупреждал. А он: мне, типа, по барабану... Ну, барабан и накликал на свою бедную голову.

— А если серьезно? Без домовых? — настаивал Труль.

— Без домовых, конечно, было бы тихо. Но тут, видишь ли... Он, говорит, полез на чердак, чтобы навести там порядок. Но дверь-то я запер. И потом, даже если б вошел, он бы никого не увидел... Меня надо было вызвать!

На этих словах Петровича в зал вбежал Профессор. Похоже, он подслушивал в прихожей.

— Его вызвать! — гневно вскричал Сенявин. — Я вас повсюду искал! Но вы как сквозь землю провалились.

Петрович виновато захлопал глазами:

— Ну да, провалился... Мне ведь тоже надо поспать.

— Поспать ему надо! А другим людям не надо?!

— Свистнули бы. Я когда засыпаю, меня из пушки не разбудишь. Но свист всегда слышу. Даже слабый.

И Петрович легонько свистнул.

У Профессора одна бровь будто скакнула на середину лба. И, глядя на Труля, Сенявин визгливо воскликнул:

— Опять издевается! Шута из себя строит и нас всех в шутов превращает. Пустил, понимаешь, какую-то пьяную компанию безобразничать над моей головой. А теперь про домовых нам рассказывает... Погодите! Я вам таких домовых покажу!

Профессор снова выбежал из зала.

Оставшиеся в зале некоторое время молчали.

Первым нарушил молчание Драйвер:

— Когда успокоится, будем спокойно завтракать. Немного придется подождать.

— Не думаю, что скоро успокоится, — улыбочиво усомнился Труль.

— Уймется, куда он, бедняга, денется. Хоть к бабке не ходи, — уверенно пообещал Петрович и неожиданно строгим тоном велел Александру:

— Давай, рассказывай, что ты сегодня слышал.

— О чем ты? — не понял вопроса Труль.

— После того как вышел за ворота, что слышал?

— Не слышал, а видел. Видел довольно странную таксу, у которой вместо задних лап — колесики. И потом, на скале, к которой ты нас вчера водил...

— Погоди со скалой, — недовольно перебил Петрович. — Когда вышел за ворота, какие звуки слышал?

— Слышал, как в поселке звонил колокол. А между его ударами кто-то посвистывал на базе... Ты свистел?

— Вот видишь, как интересно бывает! — воскликнул Драйвер и подмигнул, но не Трулю, а Мите: — Я и не думал свистеть. И нет никакого колокола... А у Бесова Носа что слышал?

— Там какие-то иностранцы забрались на холм и переговаривались между собой, — сообщил Труль.

— Ну, Сань, ты даешь! Ты сам прикинь, какие в такую рань могут быть иностранцы? И как может звонить колокол, когда его нет и в поселке, и во всей ближайшей округе? Понятно?

— Не очень, — признался Труль и ласково попросил: — Может, прекратишь дурачиться и объяснишь, какого ляда ты меня сейчас троллишь.

— Да я, так сказать, интересуюсь, что тебе предъявили. А ты, значит, слышать-то слышишь, но объяснить не можешь.

— А ты можешь? — усмехнувшись, спросил Труль.

— Могу. Объясняю.., — начал Петрович. Но его перебил снова появившийся в зале Профессор:

— Он всё может! И всё объяснит! Но сделать так, чтобы человек мог спокойно заснуть и ему не мешали!.. И тысячу объяснений: то лаком везде пахнет, то домовые над головой!.. — И без паузы: — Когда первая электричка на Питер?

Драйвер моргал и молчал.

— Вы слышали, что я спросил?! — гневно воскликнул Профессор.

Петрович весь съезжился и будто стал еще меньше ростом:

— Минут через десять-пятнадцать... Не успеете...

— А следующая?

— Следующая... это самое... Надо посмотреть... На память затрудняюсь... — испуганно бормотал Драйвер.

— Ну так смотрите, черт вас побери! А я пойду собираться. Ноги моей здесь больше не будет!

Профессор снова выбежал.

Труль проводил его сочувственным взглядом, поправил золотистую прядь, которая была у него с левой стороны и чуть прикрыла ему глаз, лучисто улыбнулся и сказал:

— Ну и как там у нас с колоколом и... со свистом? Ты обещал объяснить.

— Это проще простого, — радостно объявил Петрович. — Тут, за речкой, болото. Трясина в нем то оседает, то поднимается на поверхность. Иногда разом — вернее, частями — оседает и поднимается. И вот, когда поднимается, как бы колокол звонит, а когда оседает — свистит. Как-то так.

— А на скале кто... трындел?

— У нас это называют *разговорами карликов*. Они, типа, любят прятаться за камнями и оттуда людей подслушивают и повторяют. Но ты, по ходу, молчал. И они от нечего делать начали друг друга передразнивать. Давай так скажем.

— Сказать-то можно, Толян, — ласково возразил Александр. — Но у телезрителей может возникнуть вопрос: откуда тебе, Петрович, всё известно: про домовых, про трясину, про карликов?

Драйвер ему запросто ответил:

— Я вчера в бане Аркадичу докладывал. Он тебе не успел? Меня, Санечка, в детстве карлики украли. Они, так сказать, завидуют нашему высокому росту и женятся на наших женщинах или похищают у них детей. А своих собственных подкидывают людям, чтобы те кормили их своим молоком. Вот и меня строллили. А мамаше моей всучили подкидыша, маленького и сморщенного. И пока она, это самое, не сообразила, как меня обрат-

но вернуть, я у этих карликов тусовался и как бы постигал их науку.

— И как тебя обратно вернули, чудо мое?

— Как-как... Нашлись добрые люди. Обучили. Мамаша натерла жиром пяточки у подкидыша, поднесла их так близко к огню, что он заорал благим матом. Карлики этот вопль слышали. Ну и, как говорится, своя-то рубашка, своя-то кровиночка... Короче, прибежали и выменяли обратно... Как-то так, говорят, было. Сам-то я не очень хорошо помню.

К сказанному Петрович что-то прибавил на своем угорском наречии.

— Будь ласка, переведи, — попросил его Александр.

— Что перевести?

— То, что сейчас сказал на своем лягушачьем.

— Я, Сань, как бы молчал. Это тебе показалось, — удивленно ответил Драйвер, моргая зелеными глазищами.

И снова заговорил на карельском. Но Трулль теперь смотрел на него и видел, что губы его не двигаются.

А следом за этим кто-то на чужом, непонятном языке стал отвечать Петровичу как бы с порога прихожей. Но когда Александр посмотрел в ту сторону, то никого не увидел.

«Чертовщина какая-то! — подумал Трулль. — Я явно перестарлся с зарядкой».

— Давай, Саша, принимай душ, переодевайся, — велел Петрович. — А я буду накрывать на стол. А то Профессор придет завтракать, и всем нам опять достанется!

«Размечтался! Профессор к нему завтракать придет!» — подумал Трулль.

— Сегодня четверг. Утренняя уже ушла. А следующая только к вечеру. Не вопрос, — сообщил Драйвер, будто прочел Сашины мысли.

Телеведущий покачал головой и пошел приводить себя в порядок.

Когда Александр вышел к завтраку, Профессор сидел за столом. Перед ним стояла яичница-глазунья. Он на нее тупо смотрел (именно каким-то *тупым* взглядом) и отправлял в рот маленькие кусочки хлеба, которые отламывал от большого ломтя.